

Хаким Бей
Обучение Кали-Юге
около 1990

Скопировано 2018-01-19 с <http://imperium.lenin.ru/LENIN/32/kali-yuga.html>
перевод Д. Каледина, май 2002

ru.theanarchistlibrary.org

Обучение Кали-Юге

Хаким Бей

около 1990

Кали-Юге осталось играть нами где-то 200,000 лет — счастье для аватар и защитников ХАОСА, горе для браминов, яхвистов, божков-бюрократов и их прихлебателей.

Я понял, что Дарджилинг хранит для меня какую-то тайну, едва услышав его название — *dorje linge* — Город Молнии. Прибыл я в 1969 году, прямо перед муссонами. Старая британская станция на холме, летняя резиденция Бенгальского Правительства — улицы, как деревянные винтовые лестницы, Променад с Видом на Сикким и гору Катченунга — тибетские храмы и беженцы — красивые люди из желтого фарфора, называемые Лепча (настоящие местные аборигены) — индусы, мусульмане, буддисты, непальские и бутанские, опустившиеся британцы, которые потеряли дорогу домой в 1947м году и до сих пор обслуживают свои пыльные банки и чайные магазины.

Встретил Ганеш-Баба, толстого саддху с белой бородой и чересчур безупречным оксфордским акцентом — никогда не видел, чтобы кто-то курил столько анаши, трубку за трубкой — а после, мы бродили по улицам, он же играл в мяч с орущими детьми или ввязывался в базарные драки,

гнался с зонтиком за перепуганными клерками, а потом заливался громким смехом.

Он познакомил меня с Шри Каманарансан Бисвасом, крошечным, средних лет чиновником бенгальского правительства в поношенном пиджаке, который вызвался научить меня Тантре. Жил господин Бисвас в шатком бунгало на вершине туманного, крутого, поросшего сосной холма, и я ходил к нему раз в день, принося литры дешевого коньяка для пуджа и просто для выпивки — а он просил меня за разговором курить, потому что анаша тоже посвящена Кали.

В бурной молодости, господин Бисвас был членом Бенгальской Террористической Партии, которую почитатели Кали и мусульманские мистики-еретики делили с крайне-левыми и анархистами. Ганеш-Баба, по-видимому, одобрял это тайное прошлое, как знак скрытой в г-не Бисвасе тантрической силы — несмотря на его потертый, неприятельный внешний вид.

Каждый день мы обсуждали прочитанные мной страницы сэра Джона Вудраффа ("Артур Авалон") — я приходил после полудня, сквозь холодный летний туман, за дымкой и кедрами тенью возникали тибетские ловушки для духов, хлопавшие под мокрым бризом. Мы отрабатывали Тара-мантру, Тара-Мудру (она же — Йони-Мудра), изучали диаграмму Тара-Янтры для магических применений. Один раз мы посетили храм индуистского Марса (как у нас, одновременно планеты и божества), и он купил мне кольцо на палец, сделанное из железного подковного гвоздя. Коньяк, анаша.

Тара: одна из форм Кали. Атрибуты похожи: крошечная, голая, вооруженная, четырехрукая, танцующая на трупе Шивы, в ожерелье из черепов или отрезанных голов, кровь течет с языка, кожа темно-синяя с серым — в точности как муссонные облака. Дождь каждый день — дороги

перекрыты грязевыми лавинами. Кончается срок моего разрешения на пребывание в пограничной зоне. Мы с гномом Бисвасом спускаемся с мокрых, скользких Гималаев на джипе, потом на поезде, и попадаем в город его предков, Силигури, на плоской бенгальской равнине, где Ганг разливается свежей, намокшей дельтой.

Мы навещаем в больнице его жену. В прошлом году, наводнение в Силигури убило десять тысяч человек. Началась холера, город в стоит в руинах, разрушенный и заляпанный водорослями, палаты в больнице до сих перепаханы слизью, кровью, рвотой, зловонными выделениями смерти. Она молча сидит на кровати и, не мигая, смотрит на ужасные лики судьбы. Богиня с темной стороны. Он дарит мне цветную литографию Тары, которая чудесным образом всплыла на воде и была спасена.

В тот вечер мы посещаем церемонию в местном храме Кали, скромном, маленьком, полуразрушенном придорожном деревянном храме — освещение только факельное — ритмическое пение и барабаны со странными, почти африканскими синкопами, совершенно неклассическое, первобытное, и в то же время, бесконечно сложное. Мы пьем, мы курим.

Один, на кладбище, возле полусожженного трупа, я прохожу инициацию в Тара-Тантру. На следующий день, с лихорадкой и плывущим сознанием, я прощаюсь и отправляюсь в Ассам, в великий храм йони Шакти в Гаухати, как раз к ежегодному празднеству. Ассам — запретная территория, и разрешения у меня нет. В полночь я тайком схожу с поезда в Гаухати, пробираюсь назад по рельсам сквозь дождь, грязь до колен и полную темноту, попадаю наконец в город и нахожу гостиницу, полную клопов. К этому времени я болен как пес. Не сплю.

Утром, автобус до храма, расположенного на близлежащей горе. Огромные башни, нависающие божества, дво-

рики, приделы — сотни тысяч паломников — странные саддху, спустившиеся из ледяных пещер, сидят на корточках поверх тигровых шкур и монотонно поют. Овец и голубок режут тысячами, настоящая гекатомба — (нигде ни одного белого сахиба) — канавы на дюйм заполнены кровью — кривые мечи Кали бьют, бьют, бьют, мертвые головы скатываются на скользкую мостовую.

Когда Шива разрезал Шакти на 53 куска и рассеял их по всему бассейну Ганга, пизда ее вывалилась из корзины. Какие-то дружелюбные священники, говорящие по-английски, помогают мне найти пещеру, где йони выставлена на всеобщее обозрение. К этому времени я понимаю, что серьезно болен, но полон решимости завершить ритуал. Стая паломников (все по крайней мере на голову ниже меня) буквально обволакивает меня, как приливная волна на пляже, и бросает меня вниз головой по душевой, троглодитской винтовой лестнице в клаустрофобную утробу пещеры где, галлюцинируя и борясь с тошнотой, я плыву к бесформенному конусу метеорита, заляпанного вековыми наростами охры и топленого масла. Стая расступается, позволяя мне набросить на йони мой жасминовый веночек.

Неделей позже, в Катманду, я ложусь (на месяц) в немецкий миссионерский госпиталь с приступом гепатита. Невелика цена за все это знание — печень как у отставного полковника у Киплинга! -- но я знаю ее, я знаю Кали. Да, несомненно, архетип всего этого ужаса — но для тех, кто знает, она превращается в щедрую мать. Позже, в лесной пещере над Ришикишем я несколько дней размышлял о Таре (применяя мантру, янтру, мудру, благовония и цветы) и вновь обрел спокойствие Дарджилинга, его благоприятствующие видения.

Век Ее должен быть полон ужаса, ибо большинство из нас не могут ни понять ее, ни прорваться сквозь ожерелье из черепов к жасминовому венку, осознав, в каком именно

смысле это *одно и то же*. Пройти сквозь ХАОС, проехать на нем, как на тигре, принять его (даже и сексуально), питаться его шакти, его жизненной силой — вот Вера для Кали-Юги. Творческий нигилизм. Тем, кто следует ей, она обещает просветление и даже богатство — причастность к ее мирской силе.

Секс и насилие суть метафоры в стихотворении, которое действует прямо на сознание через во-ображение — или же, в надлежащих условиях, их можно применять и наслаждаться ими открыто, наполняясь ощущением святости *всего вообще* — от экстаза и дивных вин до смрада и трупов.

Те, кто не обращают на нее внимания или полагают ее чем-то от них отдельным, рискуют быть уничтоженными. Те, кто почитают ее как *ишта-девата*, божественное я, зная ее алхимическое присутствие, видят ее Железный Век золотым.